

Евгений Магадеев

Приличные люди

Евгений Магадеев

Приличные люди

«Издательские решения»

Магадеев Е. Б.

Приличные люди / Е. Б. Магадеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908468-2

Еще пара часов — и Костя Михеев станет отцом. Приехав поддержать товарища, Андрей Лапшин признается, что и сам стоит на пороге перемен: поначалу не задавшееся знакомство с красавицей Ликой Титовой поставило крест на бурной холостяцкой жизни Андрея. Казалось бы, у обоих друзей впереди только приятные хлопоты... И тем удивительнее, что все дальнейшие события шаг за шагом подведут историю к трагическому финалу. А с другой стороны — чего еще ждать от приличных людей?

ISBN 978-5-44-908468-2

© Магадеев Е. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Приличные люди

Евгений Борисович Магадеев

© Евгений Борисович Магадеев, 2018

ISBN 978-5-4490-8468-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Баба Шура наострила уши. Все верно, прямо над головой неистово топали и орали. Второй раз за двое суток!

Вообще-то, жаловаться на соседей сверху было бы грехом, обычно они вели себя тихо. Но бабе Шуре эти ребята попросту не нравились: приехали незнамо откуда и тут же купили себе двухкомнатную квартиру – легко, будто это ничего не значит. А ведь полвека назад бабке было примерно столько же, сколько им сейчас – и что? Пара квадратных метров в задрипанном общежитии. Это уж потом, ближе к пенсии, деду повезло, умаслил кого-то в руководстве завода, выклянчил новостройку. Вот так оно и должно быть: потрудишься пару десятилетий на благо общества – тогда и думай о личном комфорте. А у этих верхних еще молоко на губах не обсохло – и гляди ты, собственная квартира! Даже не однушка.

А как они разговаривают? Одно только слово – «Здрасьте!» – и больше ничего. О здоровье не справятся, помощи не предложат. Разве ж это дело? Сложно им, что ли, старушку уважить? «Как Ваши суставы, баба Шура? Не ноют нынче?» Да они, поди, ни одного соседа по имени-то и не знают. Вот предыдущие жильцы никогда не отмалчивались, хорошие были люди, приличные. Иногда, правда, выпивали сверх меры – но это нормально, со всеми случается. Зато дверей не запирали и гостей принимали охотно. Бабка, бывало, захаживала к ним за солью – не по необходимости, а так, общения ради. Одалживала им денег до полочки – отчего не одолжить? А потом они куда-то съехали и жилплощадь свою продали; так и вышло, что на их месте обосновалась неприветливая мелюзга.

– Слышишь, дед? – проворчала баба Шура, отмеряя половником жиденький бульон. – Опять наверху собачатся. Авось поубивают там друг друга наконец.

– Да что ты такое несешь, дура старая? – огрызнулся на нее старик. – Нельзя такие вещи говорить, беду накликаешь. – Аккуратно отрезав немалый ломоть от буханки черного хлеба, он отложил нож и прислушался. – Все тебе, бабка, мерещится: ни слова, ни писка.

– Это потому что ты глухой!.. Хотя сейчас вот действительно умолкли.

– Поганая ты тетка, Шура. Невзлюбила ребятишек – и гнобишь теперь из-за каждого шороха. Можно подумать, они тебе житья не дают. Ну покуролесили разок. Девочка там – сущий ангелочек. Да и юноша...

– Этот юноша, – баба Шура театрально хмыкнула, – послал меня на три буквы и глазом не моргнул. Я ж тебе рассказывала.

– Послал – значит, было за что. Ты ему, никак, под руку гундела, он и сорвался.

– И ничего я не гундела, – пробормотала бабка, но от дальнейших комментариев воздержалась. Тяжело опустившись на табурет, она неловко поерзала, дабы привести в порядок подол домашнего платья, и молча приступила к еде.

– Завтра на рыбалку пойду, – спустя минуту проговорил дед. – Василь Петровичу позвонить надо, он тоже собирался.

– Куда вы в такую стужу-то? Дома сидите. Для кого по телевизору биатлон показывают?

– Сама смотри свой биатлон, – отмахнулся старик. – Я лучше на свежем воздухе побуду.

А в коробке загнуть – еще успеется.

«Надо же надыхаться перед смертью», – про себя добавил он и едва заметно улыбнулся. Потом живо представил себе мостик через обледенелую протоку – и улыбнулся шире. По хорошему удочки можно было и не брать.

Наверху завопили – горько, истошно.

– Хосссспаде, – старушка вскочила из-за стола и небрежно перекрестилась. – Ну что же такое творится?.. Погляжу-ка.

Дед безразлично повел головой: ни останавливать Шуру, ни тем более составлять ей компанию ему совсем не хотелось. Бабка суетливо скинула тапки, влезла в поношенные зимние сапоги и, скрежетнув дверной ручкой, вылетела в подъезд.

Пронзительное верещание не прерывалось ни на секунду. Карабкаясь по ступеням, баба Шура вслушивалась в этот вой – определенно женский, даже девичий – и все больше убеждалась, что ее гадкая мечта, по-видимому, сбылась: в этот самый миг у соседей кого-то били, а может, уже и прикончили. Она надавила на кнопку звонка, и визги слились в унисон с электронным чириканьем; потом оба звука внезапно оборвались, и вскоре на пороге возникла девочка, зареванная и совершенно потерянная.

– Помогите! – всхлипнула она, поднимая на Шуру обезумевшие глаза.

Бабка, не разуваясь, проследовала на кухню, где ее взору открылось до жути противоестественное зрелище. На полу, аккуратно посреди комнаты, в неправильной позе лежал тот самый парень, который накануне покрыв бабу Шуру матюками. От виска его начиналось багряное месиво; продолжалось оно и на линолеуме, где свежая кровь омерзительно смешивалась с чем-то наподобие блевотины. Запаха рвоты, однако, не ощущалось. Приглядевшись, старушка сообразила, что неаппетитные кусочки еды были всего-навсего недожаренными овощами, разбросанными там и сям по всей кухне. В углу обнаружилась и сковородка, перевернутая вверх тормашками. «Тюкнула, вестимо», – подумала бабка, поглядывая то на рыдающую девицу, то на бездыханное тело. Но вслух произнесла:

– Все будет хорошо, деточка. Все будет хорошо... Идем отсюда, не надо на него смотреть.

Маленькими шажками они перебрались в дальнюю комнату, где баба Шура усадила девушку на раскладной диванчик. Та сразу уткнулась лицом в трясущиеся ладони, будто пытаясь отгородиться от реальности. Это вполне устраивало старушку; улизнув в прихожую, она сгребла с полочки хранившуюся там связку ключей и выскочила на лестничную площадку. Потом заперла соседскую квартиру снаружи и вприпрыжку побежала к себе – вызывать полицию.

– Ангелочек... – презрительно пробормотала баба Шура себе под нос. – Ну ничего, в тюрьме-то тебе крылышки мигом поотрывают.

Часть 1

Еще час назад Костя Михеев пообещал себе, что больше не будет досаждать людям. Всего-то и требовалось: уставиться в телевизор, дотерпеть до полуночи, покормить кота – и баиньки. Разумеется, все пошло наперекосяк: ни на одном из сотни каналов не нашлось ничего достойного, а самым увлекательным из недостойного оказался сериал про спецназ. Этого хватило минут на десять, а потом началась реклама, и отвлекаться снова стало не на что; голова наполнилась ненужными мыслями, вернулась тревога.

Костя понажимал кнопки на древнем телефоне. Руки сами тянулись в очередной раз набрать жену, однако Михеев старательно сдерживал свои порывы. В обед он отвез ее в роддом и с тех пор названивал почти непрерывно, отчего градус нервозности только повышался. В ходе последнего разговора Антонина откровенно психовала и даже порывалась хамить, недвусмысленно намекая, что ее следует оставить в покое. Ну хорошо, это было выполнимо... По крайней мере, так показалось Михееву, когда он услышал из трубки грозное «Ты достал уже!»

Вторично беспокоить Лапшина тоже не хотелось. У того наверняка были свои планы на вечер, куда веселее пережевывания одной и той же скудной темы, пусть даже она и касалась пополнения в семействе лучшего друга. Даром что недавно перемены произошли и в жизни самого Андрея Лапшина: к нему переехала девушка. Не такое уж и беспрецедентное событие, по правде говоря. В плане стабильности на личном фронте Михеев, несомненно, опережал товарища – и это была, пожалуй, единственная сфера, в которой он не чувствовал себя отстающим.

Как же поступить-то? Сидеть сиднем – не вариант. А может, вызвать такси и умчаться в роддом? Так Костя мог бы находиться рядом с Антониной, быть в курсе новостей – и жена не стала бы на него за это злиться... Или стала бы? Все-таки пользы от Михеева – ни на грош, а нездорового ажиотажа в палате и без него предостаточно. Умел бы Костя оставлять волнение дома, не возить его с собой, вопрос был бы решенным. На практике же ситуация выходила весьма неоднозначной. По счастью, ничто не мешало обсудить ее с другом, у которого наверняка были свои планы на вечер...

– Андрей Романыч, ты прости, что снова трезвоню, – просипел Костя, как только Лапшин оборвал вереницу гудков своим дежурным «да». – Я поеду, пожалуй. Волнительно как-то.

С того конца донесся неопределенный вздох, выразивший то ли недоумение, то ли упрек; а за ним последовало четкое указание:

– Нечего тебе там делать. Никуда не уходи, я скоро приеду с бутылкой коньяка. Готовь закуску.

Хрущевка Михеева всегда поражала Андрея чудным обстоятельством: в ней была предусмотрена одна-единственная раковина – конечно же, на кухне. Почему-то хозяев это не смущало: из года в год они мыли руки над ванной, мучая допотопный смеситель с непостижимо длинным носиком. У Лапшина сия конструкция вызывала ассоциации со сказками о великанах. Вот он пробрался в логово чудовища, все вокруг титаническое; даже обычный рукомоиник настолько огромен, что Андрей мог бы поместиться в нем целиком...

Увы, иллюзия сохранялась ровно до тех пор, пока в поле зрения не попадало что-то еще помимо ванны. Квартиру Михеевых ну никак нельзя было назвать гигантской. По шкале от одного до десяти, где один – халупа, а десять – хоромы, Лапшин поставил бы ей максимум троечку, да и ту с натяжкой. С изрядной такой натяжкой. И хотя формально две комнаты – это

ровно вдвое больше, чем одна, по факту каждая из них была настолько крохотной, что снос перегородки напрашивался сам собой. Михеевы, впрочем, до этого не додумались. А может, и нарочно отказались от перепланировки с прицелом на потомство.

– Когда, сказали, Антонина разродится? – уточнил Андрей, вытирая руки о махровое полотенце.

– Вроде к утру должна уже, – послышалось со стороны кухни. Костя строгал там сыр и колбасу – только сейчас, а ведь Лапшин велел ему озаботиться заранее. Наверное, Михеев до последнего не верил, что друг придет его поддержать. – Ты только не говори ей, что мы тут пили.

– Так мы еще и не пили, – даже не порываясь помочь Михееву, Андрей плюхнулся на стул, выудил из сахарницы кубик рафинада и закинул его себе в рот. – А все из-за чего? Кто-то из нас двоих не подсуетился, когда надо было. И вот мы занимаемся приготовлениями – а должны бы разливать по третьей. Давай уже рюмки, не томи.

– Я серьезно, Андрей. Не говори Антонине, она не одобрила бы.

– Подкаблучник.

– Семейная жизнь – это череда компромиссов.

– Особенно если ты подкаблучник.

– Почему я слышу какие-то обвинения от человека, который совсем не разбирается в предмете? Может, это не у меня, а у тебя за спиной восемь лет успешного брака?

– Справедливо, – Андрей пожал плечами и наполнил рюмки до краев. – Жаль, цена этого феерического успеха – добровольное тюремное заключение. Свидания с друзьями строго по расписанию – о да, за это явно стоило побороться! Хотя ты прав, я в этом предмете абсолютный ноль. Наверное, пока чего-то не понимаю, не дорос еще... Ну, за семейные ценности!

Лапшин никогда не знал всей правды о метаморфозах, некогда постигших его товарища. Всею виной, безусловно, была женщина – вполне конкретная женщина, первая и, видимо, последняя в жизни Константина. Она вклинилась в размеренный ритм его повседневности, как только друзья доучились до третьего курса, – и, постепенно расширяя свое влияние, в конце концов поглотила Костю без остатка. Имелась, однако, в этой истории деталь, о которой Андрей даже не догадывался: перемены могли бы быть не столь резкими, если б не его собственная импульсивность.

Ночевки в доме Лапшина воспринимались Антониной без энтузиазма. Неизбежное зло. Она предпочитала проводить время с Костей на нейтральной территории, либо приглашать его к себе. В первом случае приходилось мириться с вечной пустотой в карманах Михеева – зачастую ему не хватало даже на билеты в кино, не говоря уже о кафе и ресторанах; во втором же романтическая атмосфера вдребезги разбивалась о присутствие родителей Антонины, не имевших обыкновения проводить вечера культурно. А поскольку душа и тело не терпели долгого целомудрия, девушка безропотно соглашалась на временное сожитительство с Андреем и его скверными бабами, каждый раз новыми. Хочешь тискаться – жертвуй самолюбием, таким был ее компромисс. А Антонина знала, что без череды компромиссов никакого семейного счастья не построишь.

Лапшин и Михеев познакомились еще на первом курсе. Оба из глубинки, оба физики. Правда вот, социальные слои разные: папа Андрея владел собственной пивоварней; папа Кости владел приемами вольной борьбы, но они не очень-то пригождались сторожу детского сада. Когда старшие Лапшины узнали, что их чадо перебирается в большой город ради учебы, они тут же купили ему квартиру недалеко от университета, причем довольно комфортную. Когда старшие Михеевы узнали, что их чадо перебирается в большой город ради учебы, они купили

две бутылки водки и шумно отметили это дело. И все же пропасти между ребятами не было. Случайно оказавшись за одной партой на лекции по матанализу, они быстро нашли причины сделать из этого традицию. Потом начали понемногу общаться и вне занятий. Однажды Андрей затронул тему домоводства – дескать, лампочки в туалете уж больно часто перегорают, – и наткнулся на полное непонимание со стороны товарища. Тот считал его проблемы смехотворными – и, по сути, не преуменьшал. Расписывая тяготы общежитского быта, Михеев не стремился достичь какого-то конкретного результата. По крайней мере, он точно ни на что не намекал. Но Лапшин воспринял его рассказ как руководство к действию и почти вынудил Костю перебраться из общежития на просторы своей двушки. Взамен потребовал убираться да кашеварить – и ни копейки в довесок. Сущие пустяки.

Такой была легенда в изложении Михеева, но Антонина верила в нее с трудом. За благодетельностью Андрея просто должны были скрываться корыстные мотивы, пускай девушка и не понимала, какие именно. Среди множества гипотез не трещала по швам ровно одна – донельзя эфемерная, так что Антонина не решалась озвучить ее перед Костей. До поры до времени.

– Привет, медсестричка! – задорно бросил Андрей, заведя частую гостью в дверном проеме. Привычно развалившись на диване, он держал левой рукой бутылку пива. Правая же рука, лежавшая на плечах очередной подружки, беззастенчиво проникала в разрез ее черной кофты, а там, наверное, и глубже, под чашечку бюстгалтера.

– Антонина, приветик! – ослабилась девка. Это была Камилла, всюду округлая темно-волосая официантка из местного кабака. После того, как Лапшин подцепил ее прямо в рабочую смену, Камилла появлялась у него дома с завидной регулярностью. Даже Антонина видела ее уже раз в пятый – какое небывалое постоянство для Андрея!

В противоположность Лапшину, Косте этим вечером было явно не до утех. Согнувшись над столом в соседней комнате, он испуленно водил ручкой по страницам тетради. Иногда прерывался и начинал выводить каракули на отдельном листочке. Получалось красиво: изящные греческие буквы сменялись латинскими, за ними следовали непонятные вензеля. Красиво, но жутковато. Слава Богу, Антонина в этом ничего не смыслила; уж лучше капельницы ставить.

– Математика? – поинтересовалась она, облачиваясь о край столешницы.

– Квантовая механика, – ответил Михеев, не поднимая взгляда. – Завтра сдавать.

– А почему Андрей прохлаждается?

– Он уже два часа как закончил. Мы договорились решать на скорость, но соревноваться с ним бесполезно. Все равно обгонит.

– Понятно... Камилла снова здесь.

– И вчера была. И позавчера.

– Хм. А она неплохо закрепилась. Держится уже дольше, чем Катя и Люба вместе взятые.

И что Андрей в ней нашел?

– Сиськи, Антонина. Андрей нашел в ней сиськи.

– Да? Ему этого достаточно? А как же внутренний мир?

– Господи, да кого это волнует?.. – Костя придвинул к себе пухленький томик с обветшалой обложкой и, распахнув его примерно на восьмидесятой странице, начал изучать какие-то формулы. – Внутренний мир не пожамкаешь. И лежать на нем неудобно.

– Это слова Андрея?

– Нет, это мои слова.

– Значит, со мной ты тоже только из-за сисек?

– Нет, – Михеев наконец откинулся на спинку стула и посмотрел Антонине в глаза. – Я с тобой не из-за сисек.

«Ясное дело, – грустно подумала она. – Я же плоская, как доска». Из-за стены послышалось веселое гоготание, и Антонине пришлось сделать над собой усилие, чтобы не принять его на свой счет. Если бы даже парочка, расположившаяся на диване, умела читать мысли, вряд ли именно Антонина стала бы объектом их пристального внимания.

– Все, я сдаюсь, – неожиданно объявил Михеев. – Мозги кипят, ничего не получается.

Он с хрустом оттолкнул от себя бумаги и помассировал ладонями скулы. Вид у него при этом был почти виноватый: так опростоволоситься перед дамой! Поглаживая Костю по взъерошенной макушке, Антонина осторожно проговорила:

– Почему ты не обратишься за помощью к Андрею? У вас разные варианты?

– Один на всю группу... Я уже дважды к нему обращался. Когда он объясняет, кажется, что все легко и просто. Все понятно. Потом возвращаюсь сюда – и как отрезало. Знаешь, какое ощущение? Будто у него там кулек семечек, я набираю горсть, а пока иду, все по пути рассыпаю на пол.

– Ну так еще раз сходи. Мыслей, в отличие от семечек, не убывает, когда ими делишься.

Костя нехотя поднялся, утрамбовал свои записи в пачку и пошел советоваться с товарищем. Антонина последовала было за ним, но рассудила, что окажется лишней: это ж как дать ребенку денег на шоколадку и за руку подвести его к продавцу! Мудрые матери наблюдают за происходящим у прилавка незаметно, исподтишка. Так и Антонина повисла на косяке, откуда комната Лапшина обзревалась полностью.

– Опять? – недовольно процедил Андрей, завидев Костю с бумагами под мышкой. – Ты хотя бы продвинулся? Или по-прежнему на четвертой задаче?

– По-прежнему. Я не знаю, почему не получается. Вроде все правильно делаю.

– Ну-ка... Вот этот коммутатор – неправильный, тут должен быть оператор момента. Почему ноль-то? Как ты вообще этого добился?

– Посчитал.

– Значит, пересчитай. На выходе – ахинея, следовательно, есть ошибка. Ищи.

– Да я уже все перепробовал.

– И что? – интонацию Андрея пронзила морозная нотка. – Что ты предлагаешь? Может быть, возьмешь из моей сумки решение, отксеризишь его и сдашь копию?.. Давай я тебе еще раз – надеюсь, последний, – разложу все по полочкам. И ты сам доведешь вычисления до конца.

– У меня голова трещит, – пожаловался Михеев. – Я потом научусь, обязательно. Обещаю. Но завтра мне надо все сдать, а я сам не успею, не справлюсь. Я не прошу списать, но найди хотя бы, где у меня ошибка.

– Вот тут, – Лапшин выставил перед собою листок и указательным пальцем постучал по одной из верхних строчек. – Видишь?

– Нет, – выдохнул Костя. На его щеках заалел бесформенный румянец. – Это же из книжки. Мы на практике так решали...

И в эту секунду бомба разорвалась. Андрей молниеносно сорвался с дивана, взвился, нечаянно шлепнув Камиллу по лицу костяшками пальцев. «Да какой же ты тупой!» – яростно выпалил он в адрес Михеева. После чего бросил его расчеты себе под ноги и лихим пинком отправил всю стопку под комод. С еле слышным «дебила кусок» на устах он бодро прошагал мимо Антонины и уединился на кухне, хлопнув напоследок дверь.

Девушки озабоченно переглянулись.

Потушив настольную лампу, Костя разделся до трусов и потихоньку пробрался под одеяло. Антонина лежала к нему спиной и мерно посапывала, не подавая никаких признаков бодрствования, – и все же в глубине души Костя надеялся, что она еще не спит. Этот отвратитель-

ный, унижительный день, как ему казалось, не имел ни малейшего права закончиться ничем. За свои мытарства юноша ожидал награды, пускай даже не совсем заслуженной. Он осторожно провел кончиками пальцев по грубому кружеву белой ночнушки, легко прикоснулся к изгибу узких бедер девушки – но она не отреагировала. Пришлось действовать настойчивее. Поглаживая через плотную ткань ягодицы Антонины, Михеев губами припал к ее шее, вдохнул аромат ее спутавшихся волос. От нахальных локонов тотчас повеяло едким запахом лака, в ноздрях предательски защекотало. Костя не чихнул. Набравшись смелости, он подтянул повыше подол ночнушки, завел руку на внутреннюю сторону бедра, чмокнул Антонину в мочку уха. Она бессвязно проворчала что-то сквозь сон и, повернув голову, подставила губы для поцелуя. Михеев не стал ее разочаровывать. Постепенно девушка позволила положить себя на лопатки, вроде бы призывая партнера к наступлению, – и внезапно отстранилась.

– Как успехи? – спросила она, успокаивая прерывистое дыхание.

– Ты о чем? – Костя предпринял попытку снова прижать ее к себе. Антонина воспротивилась и, приподнявшись на локтях, отползла к изголовью дивана, чем окончательно остудила пыл кавалера.

– Я так поняла, тебе завтра сдавать задачи. Как с этим успехи?

– Никак. Я сделал три из восьми, но они валяются под шкафом. Ты знаешь, как это случилось. Доставать не буду – все равно трех на зачет недостаточно... Это не беда, куплю потом решения у старшекурсников. А штрафное задание за просрочку, может, полегче будет. Обычно оно полегче.

– Угу... Ты никогда не задумывался, почему Андрей не берет с тебя плату за жилье?

«Потому что не испытывает финансового голода», – собирался сказать Михеев, но осекся. Антонина неспроста лавировала между темами, а связи он пока не улавливал. Надо было прощупать почву, а не бросаться в омут с головой.

– У тебя наверняка есть версия, – предположил Костя. – Если так, то я с удовольствием послушаю.

– Ты только отнесись к моим словам серьезно. Этот разговор давно назревал – и вот, сегодня назрел. Андрей – он из того типа людей, кому важно чувствовать себя выше других, чувствовать себя королями. Такие люди имеют обыкновение самоутверждаться за счет окружающих. Для них это острая необходимость. Я не говорю, что вся эта крутость Андрея – что-то напускное, несуществующее. Он очень умный человек, талантливый; ты им восторгаешься, и наверняка не ты один. Но ему мало таким быть – ему нужно ощущать это и всячески подчеркивать. Он меняет женщин как перчатки – и это не банальная причуда, а потребность. А как иначе доказать себе, что ты мачо, что все кругом тобою восхищаются? Можно, конечно, завести себе друга – но не абы какого, толкового. Чтобы можно было говорить себе: «он хорош, а я еще лучше». Иногда такого друга можно прилюдно оскорбить, и он бесхребетно снесет любые обиды. Даже останется благодарен. А король воспитает в себе чувство превосходства, утвердится во вседозволенности. Королю нужна свита, и он готов за нее заплатить.

– Он платит только за воду и электричество. Ну еще по мелочам. Не много бы он сэкономил, заставив меня скидываться каждый месяц... А ты что, обрабатывала эту тираду перед зеркалом?

– Я много думала. И ты зря смеешься. Для женщин это хорошо известный прием: заводишь себе страшную подружку и блистаешь на ее фоне. Только вот подружкам никогда не достаются парни, этого даже в планах нет. Они всего лишь инструмент, их используют, а потом выбрасывают на свалку. Приличные девушки так не поступают, им на других не наплевать; и только шлюхи считают, что все средства хороши.

– Отлично, теперь Андрей шлюха.

– А ты его страшная подруга. Пойми, до Андрея мне дела нет, я за тебя переживаю. Такие, как Андрей, все равно рано или поздно получают по заслугам – карма-то нечистая. Но ты

хороший человек, у тебя шикарное будущее. Ты можешь очень многого добиться. Пока всякие дегенераты с раздутым эго потрясают своими драгоценными причиндалами, ты сделаешь карьеру, обзаведешься семьей. У приличной девушки нет обходных путей, она всего добивается сама: учится быть мудрой, терпеливой, учится быть красивой. То же и с приличными парнями: на них не сыплется манна небесная; они не рассчитывают на врожденный дар, на свою исключительность. А вместо этого молча, смиренно трудятся. И однажды в их жизни начинаются чудеса. Начнутся и в твоей, потому что ты старательный, целеустремленный. У тебя есть потенциал. Но если ты сам повесишь на себя второй номер, согласишься быть подпевалой и мальчиком для битья, – ничего не получится. Пока над тобой нависает фигура Андрея, ты будешь оставаться в ее тени, чувствовать себя маленьким и невзрачным. Если хочешь вырасти, тебе придется освободиться от этого ошейника.

Костя понимал, к чему клонит Антонина. Но проявлять инициативу в диалоге по-прежнему не рвался: мало ли? Уже второй раз за вечер его отчитывали, словно напроказившего школяра – а ведь он по наивности своей размышлял, что Антонина поможет ему забыть о недавнем позоре! Отвратительный, унижительный день.

– А знаешь, почему ты не справился с задачами? – продолжала девушка. – Тебе кажется, что Андрей поблизости, и он в случае чего подстрахует. А полагаться ты должен только на себя, на собственные силы. Когда тебя страхуют, ты немного халтуришь, не выкладываешься на полную катушку.

– Но ты сама велела мне сходить к Андрею за советом.

– Да... Тут важно не то, обращаешься ты к нему или нет. Важно, каким образом ты это делаешь. Он цыкнул на тебя – и ты сразу капитулировал, начал мямлить. Ты не можешь поспорить с ним на равных, потому как веришь, что он умнее, что он изначально прав. Ты настолько убежден в его победе, что даже не пытаешься побороться. Вот такое вот сильное влияние на тебя имеет Андрей. Это дурное влияние. Пора что-то менять.

– Ты намекаешь, что мне нельзя с ним контактировать? – решил вдруг Михеев. – Хочешь, чтобы я перестал общаться с Андреем?

– Хочу, – Антонина скрестила руки на коленях.

– Но ведь он мой единственный друг.

– Найдешь себе новых. Тоже плюс.

– А где я, по-твоему, буду жить?

– Для начала переедешь ко мне, поживем с родителями. Потом ипотеку возьмем, если не разбежимся, – тон девушки не был ни требовательным, ни категоричным. Больше ласковым. – Я не ставлю перед тобой ультиматумов, не предлагаю выбирать – либо я, либо Андрей. Ты ведь и сам прекрасно видишь, что Андрея в твоей жизни слишком много, и добром это не кончится. Не прогоняй его, не избегай; можете созваниваться и периодически встречаться. Так или иначе, вы будете видеться на парах. В этом нет ничего страшного, даже яды в малых дозах бывают полезны. Но за дозировками надо тщательно следить, хорошо?

– Я подумаю, – пообещал девушке Костя и попытался дотронуться до ее щеки. Антонина перехватила могучую ладонь и сухо коснулась ее губами.

– Подумай, я не тороплю. А пока давай спать, это был крайне утомительный день. Мы оба устали. Спокойной ночи.

Натянув одеяло до подбородка, она повернулась к Михееву спиной и сладко задремала.

Застежка лифчика шелкнула, и Лапшин выбросил его куда подальше. Сидя на Андрее в верхом, Камилла страстно провела языком по его щетине.

– Я сучка? – прошипела она прямо в ухо.

– Сучка, – без колебаний отозвался Андрей. – Такая сучка, что еще поискать.

Он жадно вцепился в набухшие соски, и девушка застонала, смешно наморщив носик. Цветом ее грудь походила на миленького поросенка, да и размером уступала не особо. Андрей снова сжал пальцы на сосках, на этот раз сильнее, до верной боли; Камилла резко вскинула голову, отчего ее длинные темные волосы взметнулись и, прочертив в воздухе стремительные дуги, легли на рельефную девичью спину. Пользуясь моментом, Лапшин левой рукой ухватился за горло Камиллы, а правой размашисто шлепнул ее по мясистой ягодице. Стоило Андрею выпустить шею подружки из тисков, как она ринулась вперед, навалилась на него всем весом, пытаясь опрокинуть навзничь. Он удержался и, грубо толкнув ее в плечо, перевернул на спину, потянулся зубами к пышной груди. Камилла отплатила ему той же монетой и, позволив себя укусить, по инерции скатила парня за край кровати, где он гулко грохнулся на пол.

Девушка захохотала.

– Это тебе за Костю, – пропела она, глядя на Лапшина сверху вниз.

– А что ж ты за него раньше не заступилась? – Андрей заложил руки за голову, явно не планируя подниматься. – Несвоевременное наказание – признак заторможенной идиотки.

– Ну ты и мудака! При твоём характере друзья – на вес золота. Думаешь, Костя вечно будет терпеть твои выходки? Наори на него еще пару раз, назови тупым – и его терпение лопнет.

– А как его называть? Он тупой. Это правда! Хочешь, чтобы я жалел его чувства? Может, мне вести себя политкорректно, говорить «человек с ограниченными интеллектуальными способностями»?

– Просто не обижай его.

– Без проблем. Все детство родители убеждали Костю, что он молодчинка. Спору нет, для алкашей такой ребенок – вообще дар небес. Потом учителя ему рассказывали, что он самый лучший, – ну в деревенской-то школе, еще бы! Пройдет пара лет – Костя женится на какой-нибудь бабе. На той же Антонине, к примеру. И уже эта баба станет распалиться, какой у нее хороший работающий муж, и получку-то в дом несет, и на сторону не смотрит. Сокровище, а не мужик. И никто, решительно никто не скажет ему «Костя, ты тупой!» Напротив, ему будут систематически внушать идею, что он этакий венец творения. Рано или поздно он уверует в эту чушь... Ты знаешь, вокруг меня постоянно ошиваются глупые люди. Но я с такими не вожусь. Костя тоже не семи пядей во лбу, и, тем не менее, с ним у меня давняя дружба. Почему? Да потому что он дурак – и знает об этом. Он это признает. Когда напоминаешь ему, что все плохо, он начинает шевелиться. Говоришь ему «ты тупой!» – он не злится, а думает, как бы стать немного умнее... Может, и злится, конечно. Кто ж его знает? Но суть не в этом. Если я не буду обижать Костю, он остановится в развитии, перестанет напрягаться. И что дальше? По состоянию на сегодняшний день лучшее, что его ждет, – работа на кафедре. И речь тут вовсе не о грандиозной академической карьере, нет. Единственный итог: в университете станет одним безграмотным профессором больше, вот и все.

– То есть ты утверждаешь, что криками и оскорблениями оказываешь Косте услугу?

– Да. Я даю ему шанс развиваться, стать немного лучше.

– Господи, Андрей... Что за бред? Посмотри правде в глаза, ты никого не делаешь лучше. Ты просто вспыльчивый, неуравновешенный болван, который ищет оправдание своим поступкам.

– А ты просто очередная сучка, которая запрыгнула ко мне в постель и теперь пытается учить меня жизни.

– Ну все, с меня довольно!

Лицо Камиллы пропало из виду, и Лапшин по звукам догадался, что она поспешно собрала вещи и начала одеваться в дальнем углу комнаты. Приподнявшись над краем кровати, он увидел, как она застегивает молнию на символической юбке.

– Куда ты? – с досадой проговорил юноша. – Тебе же нравится, когда я называю тебя сучкой!

– Андрей, ты скотина! – Камилла резво собрала волосы в хвостик и стянула их резинкой. – И как я могла с тобой связаться? С тобой же минуту поболтаешь – и сразу понятно: скотина! Ты – скотина и мудака! Можешь считать, что я тебе сейчас услугу оказываю, даю шанс развиваться.

– Ты такая сексуальная, когда шумишь, – подобно опытному хищнику, Андрей держался от девушки в паре шагов. Не сокращал дистанцию, зная, что если спугнуть антилопу, догнать ее уже не удастся.

– Не надейся, что я останусь. Я, может, и сучка, но не до такой же степени!

Один рывок – и жертва обездвижена. Камилла вскрикнула, извернулась, но выскользнуть из суровых мужских объятий не смогла. Каким-то чудом высвободила руку, вlepила Андрею смачную оплеуху, но тот даже не шелохнулся.

– Этой ночью ты моя, – прошептал он, не ослабляя хватки. – Завтра делай, что захочешь, но сегодня ты моя собственность.

Она вдруг перестала биться, обмякла, и Лапшин ощутил, как жаркое тело Камиллы послушно повинуется его воле. Без лишних сантиментов он бросил ее на кровать лицом вниз, повыше задрал юбку и обеими руками дернул на себя колготки, туго обтягивающие бедра девушки. Заодно с ними соскользнули и трусики, оголив роскошные округлости ягодиц...

Наутро Камилла никуда не исчезла. Андрей провстречался с ней еще два месяца, пока она не надоела ему окончательно.

На кухню с опаской прокрался бело-рыжий котыра, покрутился у ног Лапшина, понюхал его носки. Затем вернулся ко входу, где стояла пластиковая тарелка, и угрюмо уставился на ее пустоту.

– Я тоже зверя заведу, – как бы невзначай отметил Андрей.

– Даже так? – Михеев открыл холодильник и озадаченно порылся в его недрах. Извлек оттуда початую банку дешевого корма в консервах и вытряхнул содержимое в тарелку, попутно разбрызгав жижу на обои. Судя по изобилию уже имевшихся на стенах пятен, между Михеевым и опрятностью стоял не только алкоголь. – Не слишком на тебя похоже. Наверное, Лике неуютно на новом месте? Ты ведь говорил, у ее родителей собаки?

– Две: ротвейлер и померанский шпиц.

– Хехе, папа и мама!

– Вроде того... Но насчет моей затеи ты не угадал, не обольщайся. Лика тут не замешана. Разве что косвенно.

– Значит, питомца хочешь лично ты?

– Лично я. Мне кажется, это честно: у тебя в доме появится ребенок, а у меня кошечка. Или черепашка, я еще не определился.

– Какие-то странные шутки ты шутишь. Допустим, Лика – не первая, кого ты удостоил чести варить себе борщ. Но черепашка... Это уже звоночек. Ты, дружище, часом не заболел?

– Не знаю. Может, это и болезнь. Я думаю, пора мне остепениться, войти в какую-то колею.

– Бросить покер, найти нормальную работу?

– Даже и не мечтай! – Андрей тщеславно ухмыльнулся. Отчасти потому, что непослушные кожурки мандарина перед ним наконец-то образовали слово «жопа». – Но масштабы катастрофы ты оцениваешь верно. Мы с тобой люди, мягко говоря, не посторонние, поэтому выложу все без утайки: замыслил я жениться.

– Ух ты! Ну... поздравляю! – Михеев протянул Андрею свою лапищу, и тот, закинув в рот последнюю дольку мандарина, ответил на рукопожатие. – С родителями невесты уже общался? Благословили?

– Поставим их перед фактом, когда время придет.

– А вот это зря. Все-таки личность ты неординарная, многих бесишь... Я клоню к тому, что не всякая мамаша поощрит такой... альянс.

– Ой, да ладно, я завидный жених: из уважаемой семьи, не глупый, не бедный, не урод. Не курю, между прочим... И, как бы то ни было, ты дюже опережаешь события.

– Ли́ка не в курсе, что она невеста?

– Вообще никто не в курсе, кроме тебя. Так что отныне ты хранитель тайны.

– И надолго?

– До Дня святого Валентина, то есть до вторника. Я уже забронировал столик в ресторане.

– Ну да, посидите, припомните, с чего все началось...

– Не бередь-ка рану, купидон ты хренов! Держи вот рюмку. Давай, за семейные ценности!

– Было уже.

– Так то было за твои. А теперь за мои выпьем.

Они влили в себя по двадцать граммов коньяку и на какое-то время притихли. Сидели, припоминали, с чего все началось.

Выбирая место в аудитории, Ли́ка всегда старалась обосноваться поближе к преподавателю. Так же вели себя и девчонки-выскочки с курса. «Надо быть на виду», – говорили они. Мол, на экзаменах зачтется халявой. Ли́ка Титова себя к выскочкам не относилa, да и к поблажкам испытывала равнодушие. Просто на первых рядах было лучше слышно. Лучше видно. Для Ли́ки все это было весомее легких оценок, даром что ее средний балл и так никогда не опускался ниже пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.